

Н. А. Папоркова *

Значение поэтического наследия М. Ю. Лермонтова в творчестве Л. Н. Советникова

Статья посвящена выявлению значения лермонтовских традиций в поэзии Леонида Советникова на материале поэтического сборника «Спящий куст» и других отдельных публикаций. Автор статьи рассматривает лермонтовские традиции как значимую составляющую художественного мироощущения Леонида Советникова – одного из самых талантливых и ярких поэтов Ярославской области.

И в душе, блуждающей в дыму,

И в стране, где пошлое в почете,

Лирика бывает на излете

И почти не слышной никому. [2, с. 132]

На наш взгляд, эти строки современного поэта Леонида Советникова очень точно выражают состояние лирики в наше время. Неумолимая скорость жизни порой уносит за собой не только мгновенное и преходящее, но и то, что некогда было самым дорогим и ценным для многих предшествующих поколений. Унесет ли время первозданную лирическую сущность стихотворения и память о его назначении в мире – в понимании А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, так давно и так рано ушедших из этой жизни? Но, вспоминая двух великих русских поэтов, чьи имена почти неразлучны в нашем сознании, мы все же не можем провести между ними некую непреодолимую грань. И это касается не только «солнечности» Пушкина и «сумрачности» Лермонтова, о которых столько говорили критики, философы, поэты и писатели. Это касается двух разных эпох, в которые довелось жить Пушкину и Лермонтову. Пушкин как будто угадал время своего появления на свет: он явился именно к тому моменту, когда поэтическая эпоха должна была достигнуть своего расцвета. Таким образом, мы не можем сказать, что поэтический дар Пушкина формировался вопреки сложившимся историческим условиям. Ситуация Лермонтова – совсем иная. Годы правления Николая I, на которые пришлась вся его короткая жизнь, были эпохой реакции и застоя. Прежние романтические идеалы свободы, счастья и справедливости, наполнявшие пушкинскую юность, казались уже недостижимыми и иллюзорными. Общество пребывало в состоянии духовной скованности, раздвоенности, разочарования и сложного внутреннего поиска, лишённого прежних надежд. Может быть, именно

поэтому поэтическое мировоззрение Лермонтова столь явно разделено непримиримой чертой на светлую гармонию и темное отчаяние, христианское смирение и гордый протест... То есть поэт явился в мир с той же высокой миссией, что и его предшественник Пушкин, но в жизненной реальности, которая его окружала, он не видел возможности и не находил душевных сил воплотить все то, что было дано ему свыше. Но он воплощал в стихах боль, отчаяние, одиночество и неутихающее стремление к недостижимому идеалу. Он не стал «вторым Пушкиным», а прошел собственный путь и обрел свой неповторимый голос.

Одиночество человека в мире – вечная тема и вневременной мотив. Но именно лермонтовское ощущение одиночества, не только человеческого, но и поэтического, глубокое чувство несозвучности своей эпохе, несовпадения с нею – вот свойства мировоззрения, которые, на наш взгляд, очень близки современным поэтам. Поскольку поэзия в наше время, как бы ни хотелось верить в лучшее, – действительно «бывает на излете / и почти не слышной никому» [2, с. 132]. Особенно если эта поэзия далека от модных веяний и течений, свободна от каких бы то ни было жестких требований времени и подчинена лишь своим особым внутренним законам.

Обратимся к творчеству Леонида Советникова, одного из самых талантливых и ярких поэтов Ярославской области, и попытаемся выявить значение лермонтовских традиций в его художественном мироощущении.

Леонид Николаевич Советников родился в 1955 г. в Рыбинске, где и живет в настоящее время. Стихи пишет с детства. В 1975 г. окончил Рыбинский полиграфический техникум, затем служил в армии, трудился в конструкторском бюро полиграфического машиностроения. В 1978 г. устроился на работу в фонды рыбинского филиала областного государственного архива, одновременно поступив учиться в институт, на историко-филологическое отделение. В 25 лет пережил тяжелое испытание. Выполняя производственное задание, получил тяжелую травму позвоночника с повреждением спинного мозга. Заново учился ходить. Врачи и родные спасли его, но учебу в вузе пришлось оставить. В конце 80-х – начале 90-х гг. вошел в литературную группу «Коридор», в составе которой также были Александр Калинин, Дмитрий Сорокин, Владимир Перцев и некоторые другие поэты Ярославской области. Стихи Леонида Советникова опубликованы в коллективном сборнике «Коридор-2».

В 1996 г. поэт принял участие в работе Всероссийского совещания молодых писателей, удостоился диплома и в 1997 г. вступил в Союз российских писателей. В это время его стихи публиковались в

литературной газете «Очарованный странник». В том же, 1997 г., вышел первый сборник стихов «Келья с калейдоскопом», в 2000 г. – второй сборник стихов «Под небом севера». В 2006 г. в Рыбинске вышла книга «Спящий куст. Избранное». Стихи Л. Советникова также можно увидеть в периодических изданиях Рыбинска и Ярославской области, в журналах «День и Ночь», «Дети Ра», в интернет-журнале «Парус», на сайте «Поэзия.ру».

Леонид Советников не считает себя романтиком. Ему ближе импрессионизм Иннокентия Анненского, запечатлевающего мгновения жизни в их безвозвратной, ускользающей красоте, и тонкая, горестная ирония Георгия Иванова. Об этом поэт говорил в эссе под названием «За два предела», опубликованном в литературном издании «Очарованный странник»: «К началу XXI столетия стихотворное пространство общелирической ойкумены оказалось освоенным до двух крайних пределов: душевного микрокосмоса И. Анненского и "сияющей пустоты" Г. Иванова» [6]. Казалось бы, как могут быть одинаково близки два таких разных, непохожих мира. Но то, что разъединяет Иннокентия Анненского, с его стремлением сострадать всему живому, и Георгия Иванова, с его эстетизмом, порой нарочито холодным и отрешенным, оказывается лишь разными гранями единого целого. Лирический герой Анненского в своей тревожной любви к миру и тоске по нему болезненно и остро ощущает, что любое наше чувство ограничено строго очерченной сферой человеческого «я». Невозможность преодолеть границы своего «эго» отделяет друг от друга даже самые родные души и разделяет наш общий мир на множество одиноких маленьких миров, среди которых тоскующий герой повторяет имя «одной звезды»... Герой стихотворений Георгия Иванова, любясь холодными синими звездами, в действительности до боли дорожит жизнью, тревожно и безмерно любит ее, страдая от одной мысли, что все живое обречено в этом мире на гибель. Каждый поэт оказывается одинок в своем страдании, и это одиночество сближает их.

Но что именно роднит лирику Леонида Советникова с поэзией Лермонтова? Вспомним одну важную особенность лермонтовского мировосприятия: не просто одиночество в мире, но стремление постичь изнутри его закономерности. Почему ты одинок, что заставляет тебя испытывать вечную тоску по родной душе, по ушедшему детству, по светлой гармонии с жизнью? Что мешает достичь этой гармонии наяву, пока жизнь еще продолжается? Герой стихотворений Лермонтова ищет ответа на этот вопрос в метафизическом пространстве «Ангела», в медитативном настроении «И скучно, и грустно», в романтических поэмах и в исторической реальности своей эпохи, воплощенной в стихотворении «Дума»... Лирический герой Леонида Советникова так же беспрестанно, явно

или неявно, открыто или имплицитно пытается разрешить этот вопрос. Интонационное родство с лермонтовским «И скучно, и грустно» мы встречаем в стихотворении «Снег не таял в буграх низин», которое лишь с первых двух четверостиший может показаться образцом пейзажной лирики, в действительности же – намного сложнее и глубже: «Двух несхожих миров верста. / Я набрел на ее извивы, / Как на фразу, что жизнь – пуста... / И согласно кивали ивы» [2, с. 127]. Вспомним строки Лермонтова: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг – / Такая пустая и глупая шутка...» [5]. Образ «двух несхожих миров» очень точно выражает сущность художественного «двоемирия», столь близкого Лермонтову. Эпитет «пустая», и у Лермонтова, и у Советникова относящийся к жизни, тоже является неотъемлемой частью «двоемирия». По одну сторону – ожидания от жизни, по другую – ее реальность, и они никак не могут слиться, а в пограничном между ними пространстве – пустота, в которой, как видится лирическому герою, и проходит большая часть времени, отведенного нам на земле.

Эта мысль получает развитие в другом стихотворении Леонида Советникова – «На огонь мы открыто глядим»: «Дальний берег похож на провал./Я ведь жизнью тебя называл» [2, с. 133]. И снова в этом ритмическом рисунке, в этой музыке трехстопного анапеста, соединяющего слова в двустопия, мы слышим отдаленные отголоски лермонтовского «Ангела», написанного близким по мелодике амфибрахием: «Он душу младую в объятиях нес / Для мира печали и слез; / И звук его песни в душе молодой / Остался – без слов, но живой. / И долго на свете томилась она, желанием чудным полна; / И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли» [5].

Есть еще вариант развития этого образа: «Жизнь как платье давалась на вырост и вот – коротка» [2, с. 98]. Здесь явлен образ времени, который юный Лермонтов еще не мог осознать в полной мере, потому что его жизнь оборвалась слишком рано, только на подходе к тому возрасту, когда начинаешь чувствовать кожей краткость и безвозвратность человеческой жизни. Как ребенок до 7 лет не представляет самой возможности смерти, так романтический юноша примерно до 27 живет больше мечтами, чем реальностью, и не представляет по-настоящему, что жизнь может оказаться слишком короткой, чтобы тяготиться ею и ждать чего-то лучшего... Этот поворот в творчестве Лермонтова – от внутреннего мира переживаний к внешней реальности – успел лишь наметиться, но не успел завершиться. Леонид Советников оказался на грани жизни и смерти примерно в том же возрасте, в каком Лермонтов погиб на дуэли. Вернувшись к жизни, поэт, может быть, как никто другой, смог почувствовать ценность каждого мгновения, отпущенного свыше. Пережитое несчастье не сделало его равнодушным к миру и людям.

Напротив, неравнодушие – одно из важнейших качеств его поэзии. Способность мгновенно отозваться на чужую боль, взбунтоваться против несправедливости и зла, разрушить карточный домик видимого благополучия, скрывающего обман – все это свойственно лирическому герою Советникова. И это снова роднит его с Лермонтовым, способным не только внимать «звукам небес», но и уничтожить словом тех, в ком видит зло и порок, и «дерзко бросить им в глаза железный стих, / Облитый горечью и злостью!» [5]. Например, в стихотворении «Убогие»: «Есть коляски и трости у нас, / Но... дворовые! чуждой мы повести, / Что чиноша строчит, не чинясь / Наживаться на муках и горести» [3].

В стихотворении «Контрафакция», которое представляет собой очень вольный перевод монолога шекспировского Гамлета, мы видим, что этот Гамлет парадоксальным образом напоминает лирического героя Лермонтова, а само стихотворение имеет много общего с лермонтовской «Думой». Вот строки из этого стихотворения: «Да или нет – вопрос, что предпочесть. / Теряя разум, продавая честь, / Слабея волей, покоряться силе / Иль, выжидая, делать вид, чтоб мстили (...) Хоть не врага, но свой последний страх / Убей – не то уснешь, а он проснется / Подменной самой жуткой и больной: / Какой-нибудь сгнивающей страной / С раздавленностью заживо – народца» [2, с. 86].

Не считая себя романтиком, Леонид Советников являет юношескую свежесть восприятия мира и контрастность его видения, свойственную романтическим поэтам, в частности, Лермонтову. Это качество проявляется и в способности поэта, при всей трагичности и непреодолимости одиночества и «двоемирия», искренне любить, дорожить дружбой и душевным родством, которое, пусть на мгновение, но сближает одинокие души: «Снег. И веет холодом от окон. / Одинок в мире одинок. / Но едины лира и душа. / Можно быть провидцем и пророком, / Тишиной и нежностью дыша. / (...) Ничего в пространстве, кроме вьюги, / Чтоб молиться об ушедшем друге, / Может, самом близком на земле. / Он молчал о маленькой услуге – / О едином слове, о тепле» [2, с. 117].

Замечательные строки Леонид Советников посвятил памяти своего друга, поэта Константина Васильева: «В захолустье, где вечность сурова: / Кто услышит? дыши, не дыши – / Вдруг сорвется, как яблоко, слово, / Жизни тяжесть снимая с души. / Ах, какая великая зрелость / – В Спасов день умереть на земле! / Где лишь словом крещеному – пелось, / Сладко пелось в бесчувственной мгле» [2, с. 136]. В этом стихотворении возникает возможность преодоления мучительного «двоемирия» – с помощью музыки, песни – образа, символизирующего, в том числе, поэтическую лирику. Здесь

Леонид Советников следует классической традиции, которая в разнообразных формах явлена и в творчестве Лермонтова.

Образ чистой, трепетной и нежной любви, которая стремится оградить близкого человека от всех страданий и тревог, открывается в этих строках: «Со свежего листа... Душисто веет снегом, / Декабрьский день цветет нежнее миндаля. / Соприкоснулась вновь со слишком близким небом / Такая ж как оно, проходя, земля. / Но зябко снег пушит, теряя санный волок, / Уж прорубь в облаках синее через край. / И знаешь, если мрак и оголтелый холод / Я не переживу, – ты не переживай. / Не простирай тоски и горестней, и выше / Посеребренных звезд и выдохнутых роз. / Считай: в цветущий сад я ненароком вышел – / На мало и шутя. Надолго и всерьез» [2, с. 114]. Это стихотворение, к тому же, в чем-то созвучно лермонтовскому «Выхожу один я на дорогу»: тот же мотив пути, вечные образы неба и земли, и возможность завершения земного пути – как переход в другую реальность, в цветущий сад, символ свободы и покоя... Но и в том, и в другом стихотворении трагическое «двоемирие» отсутствует: грань между жизнью и смертью воспринимается почти неощутимой (у Лермонтова – «забыться и заснуть», у Советникова – ненароком выйти «в цветущий сад»). Красота здешней реальности и красота другого, еще невидимого мира не составляют антитезы, они равноценны, потому что являются частями единого целого: созданного Богом Бытия.

Кроме тяжелой, безысходной грусти, романтической мятежности и одиночества, есть в лирике Лермонтова и другая грань – светлые, гармоничные тона, музыка, способная возродить к жизни отчаявшиеся души. Например, «Молитва» («В минуту жизни трудную»), «Когда волнуется желтеющая нива», «Выхожу один я на дорогу» и другие стихотворения. То же самое мы можем сказать и о лирике Леонида Советникова. Тот же мягкий, утешительный свет, который наполняет пространство стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива», дышит в этих строках Советникова: «Еще не устала от щебета птица. / И, может, росой удивленья / Мы, дети тумана, сумеем плениться / И с миром достичь примиренья» [2, с. 131]; «Луч, стеклом окна задет, / На лучины стал колотья. / Божья родина – весь свет / До звезды на дне колодца. / Даже если нет звезды, / Свет дойдет, печаль растает. Как душа, в ковше воды / Дремлет щепка золотая» [2, 48]; «Воля не взволнована, как море, / Чайкам не завидуют глаза; / В отрешенном, безграничном взоре / Узнаны, как в капле, небеса» [2, с. 14].

В поэзии Лермонтова, больше сосредоточенной на внутреннем мире, чем на окружающей действительности, все-таки нет правил без исключений. Вспомним его исторические поэмы и стихотворения:

«Песню про купца Калашникова...», «Бородино», «Валерик» и многие другие. У Леонида Советникова тоже есть стихотворения, в которых историческая реальность очень важна. Например, эти строки: «Сказки таинств лесных, былъ прямых степей – / Что пригрезится, что будет душу греть? / Вылетал богатур, мощный Челубей. / Выезжал Пересвет – инок или кметь? / Только ветры поют “степь да степь кругом”. / Новый век. Новый труд. Нужен вновь Святой, / Чтоб единой судьбы не разъять огнем, / Чтоб единой земли не разлить водой» [4].

А следующее стихотворение, к которому мы обратимся, – совершенно самостоятельно по своему лирическому сюжету, и вовсе не является повторением или отзвуком лермонтовской лиры: «Верить луне и сирени, / Что обещали тебя? / Тени, лишь хладные тени, / Мы не сольемся, любя. / Стаи, летящие к югу, / Вновь провожаем с тоской. / Ходим, как время, по кругу; / Ищем, как стрелки, покой. (...) Станешь над пропастью – плечи / Убраны в лунный атлас... / Ангел на небе погасит свечи / И не разбудит нас» [2, с. 138].

Но эти строки вызывают отчетливую ассоциацию с тем мистическим сюжетом, который представил Д. С. Мережковский в статье «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» – встречей Лермонтова с его возлюбленной Варенькой Лопухиной в новом, невидимом мире: «Может быть, и Варенька воскреснет иною, более прекрасною и вместе с тем точно такую же, даже до маленького родимого пятнышка над бровью, по которому ее узнает Лермонтов (...). И со “звуками небес” сольются эти не “скучные песни земли”. И, может быть, Лермонтов примет этот настоящий рай. А если примет, то конец бунту в любви, конец богоборчеству в богосыновстве» [1, с. 378–416]. А может быть, еще ближе к этому сюжету другое стихотворение Советникова: «Есть пронизательность. Есть тайна. / Мы вновь приблизимся случайно, / Когда сойдет остаток лет. / Пространств весенних окрыленность / Пронижет душу, как влюбленность, / Как весть о том, что смерти нет. / Тогда, скользнув прозрачной тенью / Меж праздностью и канителью, / Появишься, мой ангел, ты. / И будут в дымке предрассветной, / Как в легкой лирике заветной, / Сквозить небесные черты» [4].

«Неземная любовь к земле – особенность Лермонтова, едва ли не единственная во всемирной поэзии» [1, с. 378–416]. На наш взгляд, это определение очень точно и по отношению к поэзии Леонида Советникова. Приведем строки: «Догорел закат, лишь синий пепел тлеет / Золотыми искрами глубин. / Будто говорит: хоть сердце леденеет, до последних проблесков любви» [2, с. 131]. «Вкус поляники, прятки фиалок / И синевы до краев фиал... / Мира и света щедрый подарок, / Будто ребенок его приял» [2, с. 15]. «Взгляд покорен суровой простотой / Земли, где даже спящий куст врачует /

Слепую душу, и слепая чует / Блаженства в небе отблеск золотой» [2, с. 112].

Таким образом, присутствие лермонтовских традиций в поэзии Леонида Советникова проявляется, прежде всего, на уровне отдельных мотивов, образов и сквозных тем, ритмико-интонационных созвучий и философско-метафизических параллелей. Необходимо отметить, что эти проявления – не сознательные заимствования, а часто интуитивные совпадения, особая форма творческого диалога, преодолевающего столетия:

И в душе, блуждающей в дыму,

И в стране, где пошлое в почете,

Лирика бывает на излете

И почти не слышной никому.

Но бывает!.. Птица в светлой роще

Так звенит иль речка меж камней –

Чем безвестней, тем родней и проще;

Чем родней, тем тише и грустней [2, с. 132].

---

* **Папоркова Надежда Александровна**, окончила магистратуру и аспирантуру ЯГПУ по специальности «русская литература», работает над диссертацией.

Ярославский педагогический вестник – 2012 – № 2 – Том I (Гуманитарные науки)

http://vestnik.yspu.org/releases/2012_2g/53.pdf

Библиографический список

1. Мережковский, Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества [Текст] / Д. С. Мережковский // В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет / Д. С. Мережковский. – М., 1991. – С. 378–416.

2. Советников, Л. Н. Спящий куст. Избранное[Текст] / Л. Н. Советников. – Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2006.
3. Советников, Л. Н. Стихотворения [Электронный ресурс] / Л. Н. Советников. – Режим доступа:<http://www.poezia.ru/article.php?sid=89444>
4. Советников, Л. Н. Стихотворения [Электронный ресурс] / Л. Н. Советников. – Режим доступа:<http://www.hrono.ru/proekty/parus/soveto811.php>
5. Лермонтов, М. Ю. Стихотворения [Электронный ресурс] / М. Ю. Лермонтов. – Режим доступа:<http://lermontov.chitalnya.ru/>
6. Советников, Л. Н. За два предела [Текст] / Л. Н. Советников // Очарованный странник. – 1996. – № 3.